

Татьяна Каппа

Тайны альпийского шале

Детектив

Истории Антонины Найденовой

Татьяна Каппа

**Истории А. Найденовой. 14.
Тайны альпийского шале**

«Автор»

2026

Каппа Т.

Истории А. Найденовой. 14. Тайны альпийского шале /
Т. Каппа — «Автор», 2026

Дом-шале, куда Тоня приезжает работать садовником, хранит немало тайн. Его хозяева что-то скрывают, но чем глубже она погружается в чужие секреты, тем опаснее становится правда. Когда тайное выходит наружу, Тоне приходится сделать выбор, от которого зависит не только ее судьба.

© Каппа Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
На месте	6
Хозяева шале	7
Разговоры...	9
Вечерний чай	12
Полеты во сне... или наяву?	16
Неожиданности...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Истории А. Найденовой. 14. Тайны альпийского шале

Пролог

На новое место работы Тоня выехала утренним поездом, чтобы быть там после полудня, как было написано в приглашении.

«Наверное, любят поспать утром...»

От вокзала до пригорода ходил рейсовый автобус.

В автобусе впереди нее сидела пожилая пара. Тоня поймала себя на том, что ей нравится наблюдать за ними. Вот мужчина потянулся к своей седой спутнице, заботливо поправил ей то ли выбившийся локон, то ли шарф... А может, просто хотел поцеловать... От его свитера пахло горьковатой лавандой. Она вспомнила этот запах: в лифте отеля «Понти», где еще совсем недавно работала циммермедхен.

Они вышли в каком-то небольшом городке с невысокими домиками, заснеженными крышами и ровными стенами кустарников вместо заборов. Женщина оперлась на руку спутника, и они не спеша пошли по тротуару к дому с деревянным балконом, перед которым росла высокая разлапистая ель.

Тоня смотрела им вслед из окна автобуса.

«А будет ли у нас с Наумом в старости так же?»

На месте

После полудня Тоня была уже в пригороде. Немногие пассажиры, ехавшие вместе с ней, быстро разошлись по узким улочкам.

Дверь с шипением закрылась, и автобус уехал.

Расспросить дорогу она не успела и наугад свернула в одну из улочек. Та вывела ее на небольшую круглую площадь.

В центре возвышалась статуя какого-то знатного горожанина. Из-под тяжелых складок позеленевшего бронзового плаща гордо выступал сапог. Носок его был отполирован до блеска.

Тоня тоже потеряла его. «На удачу!»

Прохожих вокруг не было. И, увидев вывеску кафе, она направилась туда.

Над дверью звякнул колокольчик.

За барной стойкой стояла полная пожилая женщина в синем корсете со шнуровкой и белой блузке с кружевным воротником.

– Gruess Gott! – поздоровалась Тоня, вспомнив баварское приветствие.

– Servus... Servus... – дружелюбно откликнулись от столиков.

– Gruess Gott! – кивнула из-за барной стойки хозяйка.

Тоня попросила кофе и села за столик у окна.

Отсюда хорошо была видна площадь со статуей. На солнце блестел носок сапога. Тоня улыбнулась: «Ну, будем надеяться».

Хозяйка принесла кофе с булочками и, чиркнув зажигалкой, зажгла свечу на столе.

– An guadn Appetit!

– Данке!

Выпив кофе и расплатившись, Тоня достала листок с планом дороги.

– Как мне туда добраться?

Хозяйка быстро разобралась, объяснила и поинтересовалась:

– На лыжах кататься приехали?

– Работать. Но на лыжах обязательно покатаюсь.

– О-о... Тогда будьте осторожны! В начале сезона в горах пропал мужчина...

За соседним столиком смолк разговор. Посетители прислушались...

– Да, да... – вступил один из них, стараясь говорить понятнее, услышав акцент гостыи. – Его видели на подъемнике, с лыжами, с рюкзаком.

Тут же заговорили остальные:

– А в отель он не вернулся... Была даже организована поисковая экспедиция.

– Так и не нашли...

– Убили...

– Сбежал...

Тоня уже выходила, а за спиной еще слышалось: «Quatsch... Schmarrn... Na freilich...»

Хозяева шале

Дом, где ей предстояло ухаживать за садом – «корзиной плодов и цветов», стоял невдалеке от дороги, отгороженный невысоким деревянным забором.

Вдоль забора росли большие кусты туи.

Тоня видела такие дома в немецких фильмах про богатых баварцев. Они называются шале – из-за большой двускатной крыши с далеко выступающими карнизами и длинных деревянных балконов с резными балясинами.

На балконе темнели цветочные ящики с фиолетово-серебристыми кустиками. Летом из них свешиваются охапки красной альпийской герани.

Тоня вошла в калитку и по мощеной плиткой дорожке направилась к дому.

У входа ее встретила веселая металлическая такса, привинченная за лапы к нижней ступени. На спине у нее была полоска для чистки грязных подошв.

– Привет! – сказала ей Тоня и поскребла спину таксы носком сапога.

Потом поднялась по каменным ступеням и позвонила в дверь.

Дверь открыла моложавая скуластая женщина в темном платье с белым передником и тугим белым воротником. Костюм – прямо викторианский. Только белая накладка сдвинута чуть набок, как гребень петуха.

– Grias God! – сказала низким голосом, отступила и распахнула дверь.

– Bittschee! Слегка присела, неловко наступив на подол длинного платья.

Тоня вошла.

Пока окидывала взглядом прихожую, горничная закрыла за ее спиной дверь и исчезла, оставив ее одну. «Как-то невежливо...»

Прихожая была обставлена по-старинному: два крепких дубовых шкафа, такая же крепкая скамья, большое старое трюмо со столиком на массивных ножках. Белый потолок украшали деревянные балки. Между ними висела люстра с электрическими свечами. Наверх вела лестница.

По обе стороны трюмо к стене были привинчены две керосиновые лампы с матовыми сиреневыми плафонами. Тоня подошла ближе.

На майоликовых пузатых емкостях были изображены лиловые цветы ирисы. «В такую красоту рука не поднимется налить керосин. Впрочем, его наливать не надо...» – присмотревшись, увидела она сквозь стекло маленькие лампочки-«миньоны».

Потом она разглядела себя: широкополая шляпа, длинное черное пальто были под стать этой обстановке. Но не под стать садовнику.

«Ну не в комбинезоне же и резиновых сапогах приезжать!»

Она оглянулась на лестницу. Она была пуста.

Прислушалась. В доме было тихо.

Тоня постояла, потом в ожидании присела на скамью. И вдруг услышала наверху шуршащий звук. Как будто кто-то осторожно шел и чем-то шуршал при ходьбе. Длинным подолом? Она поднялась и, задрав голову, окинула взглядом лестничную площадку. Показалось, что в полумраке мелькнула чья-то тень...

И снова стало тихо.

Ей вдруг вспомнились слова Яши: «Вот так же пригласили одну... Паспорт отобрали, в поденщицы определили... Или в фильме... Там вообще девушка к вампирам попала...»*

«Надо Яше адрес сообщить...»

Тоня открыла сумку, ища листок с адресом... Рылась и не могла найти.

«В кафе, что ли выронила, когда барменше показывала...»

Она растерянно стояла посреди прихожей. Потом крикнула:

– Hallo!

Никто не вышел, не отозвался. «Вот, попала!»

«Может, сразу уйти?» – струсилла она и, взяв сумку, с оглядкой подошла к двери. Потянула за ручку. Дверь была заперта.

Тоня вернулась, опять села на скамью. Позвонить Яше?

Уже достала телефон, как сверху раздалось:

– Гутен Таг!

Она взглянула вверх. На лестничной площадке стояла молодая женщина.

– Гутен Таг!

Женщина молча разглядывала ее.

Тоня невольно тоже оглядела себя: «Всё-таки надо было приехать в комбинезоне и сапогах!» – и, словно спрашивая: «Что не так?» – посмотрела наверх.

Женщина уже медленно спускалась по ступенькам, продолжая разглядывать ее. Спустилась.

И тут же появилась горничная. Подошла сзади и потянула пальто с плеч Тони. Она только пуговицы успела расстегнуть, как горничная его стащила. «Сильная какая», – только и успела подумать Тоня, уже перестав что-либо понимать.

Сняла шляпу, и горничная тут же забрала ее. Стала пристраивать вещи на вешалке в шкафу.

Тоня взглянула на свое испуганное отражение в трюмо и постаралась приободриться: одернула платье, поправила волосы.

Женщина уже стояла за ее спиной, неотрывно глядя на нее в зеркало. Тоня с опаской перевела на нее взгляд. Они встретились глазами. «Не может быть...»

– Марина?

– Вот с таким же испуганным видом ты стояла у нас перед зеркалом в нашу последнюю встречу...

– А ты тогда вот так же смотрела на меня и говорила мне что-то неприятное... – приходила в себя Тоня.

– Что?

– А я не помню... Забылось... Так это мы... в зеркале?

– Мы. Я и ты.

– Тогда или сейчас?

Марина обняла ее за плечи.

– И тогдашние, и нынешние... – и шепнула на ухо: – Мы же совсем не изменились!**

*Истории Антонины Найденовой 13. "Циммермедхен"

**«Про Тоську». Книга 1. «Училка»

Разговоры...

- Ну и зачем ты меня томила в прихожей?
- Извини. Надо было кое-что закончить. Я этой сказала... – недовольно кивнула Марина в сторону ушедшей горничной.
- А Генрих? Он тоже здесь?
- Конечно...
- Вы здесь вдвоем? – Тоня вспомнила мелькнувшую тень.
- Да. И эта горничная. Ну что за расспросы! – укоризненно посмотрела на нее Марина.
- Я-то в садоводстве не очень... – заранее попыталась объяснить Тоня.
- Не петришь? И ладно! Пойдем! Сюрпризом! Вот удивится!
- Кто? Генрих?
- Да... да! – Марина потащила Тоню по ступенькам вверх.

По коридору навстречу им шел мужчина в светлом вязаном свитере и джинсах. Подруги остановились.

- У нас гостя! – заговорщицки сообщила Марина. – Узнаешь?
- Кажется, Антонина? – он наклонил голову, приглядываясь к гостье. – Учительница из сибирской деревни Покровское?

– Здравствуйте. Ну и память у вас! – сдержанно заметила Тоня. Сцена почти двадцатилетней давности повторялась. Она тоже разглядывала Генриха. Он не постарел, выглядел по-европейски молодо.

- Профессиональная память, – пожал он плечами и кивнул, пропуская ее вперед.

Они вошли в гостиную. Уходящий свет зимнего дня едва освещал комнату. Горел камин. Тихо потрескивали дрова.

Генрих щелкнул выключателем. В медных подсвечниках люстры загорелись электрические свечи, осветив темные поперечные балки на белом потолке, красно-кирпичные вставки на стенах. Непривычный интерьер.

- Присаживайся!

«И опять – на «ты»...»

Тоня села в кресло у камина.

- Ну и как ты сейчас живешь? – спросил он, устраиваясь на диване.
 - Живу...
 - Генрих, ты знаешь... – вступила в разговор Марина.
 - погоди! – остановил он ее. – Мне интересно узнать...
 - О чем? Петрю ли я в садоводстве?
 - При чем здесь садоводство? – он непонимающе поморщился.
 - Ну я-то приехала... – начала было Тоня, но он не дал закончить.
 - Мне вот что интересно узнать. Ты помнишь наш разговор о Солженицине?
 - Помню, – кивнула Тоня и подумала, что этот писатель вошел в сознание Генриха Осиповича, как с годами угольная пыль въедается в кожу шахтеров.
 - Вот прошло столько лет, скажи мне, кто был прав в отношении его: ты или я?
 - Объясните...
 - Объясняю. Ты его защищала. Для таких, как ты, он был «титаном русской мысли»! Как и для твоего профессора – помнишь Суперанского? Такие профессора и «вознесли» его в заоблачные выси. А он вас, «образованщину», не любил. Правильно, кстати. Ты согласна?
- Тоня пожала плечами: «С чем?»

– Нет, ты скажи: стал он со временем, как прочил твой профессор, Толстым или Достоевским?

– Из моих знакомых мало кто стал тем, кем им прочили. Или кем хотели стать. Я вот тоже...

– Ага! – воскликнул он. – Вот за это и благодари своего Солженицына!

– При чем здесь он?

– Он с интеллигенцией, либеральными демократами и такими восторженными глупенькими девочками, какой была ты, рождает волну разочарования и недовольства существующим строем, которая в конце концов и привела к горбачевской перестройке и последующему катастрофическому развитию событий в стране! Что скажешь на это?

– А вы что же? – вдруг разозлилась Тоня. – Вы ведь не были восторженной глупенькой девочкой. Почему же вы ничего не сделали, чтобы предотвратить катастрофу? Что за дела такие важные вас отвлекли?

Тоня замолчала в ожидании ответа, уже зная, что скажет на него.

Но ее слова, казалось, насторожили Генриха. Он помолчал, а потом вдруг спросил:

– А где ты сейчас работаешь?

Тоня удивленно взглянула на Марину.

– Она у нас теперь будет работать! – тут же сказала Марина. – Тоня приехала по моему объявлению.

– У нас? Кем? – удивился он. – Домработницей? Уже есть одна.

– Да нет же! Садовником.

– Кем? – переспросил он.

– Я пригласила Тоню...

– Зачем? – холодно взглянул он на Марину.

– Затем! Лучше ее не найти...

– Ты долго думала?

«Не поденщицы. Не вампиры. Просто выгоняют...»

Тоня поднялась.

– Если вам не нужен садовник, я сейчас уеду...

Генрих посмотрел на нее, будто что-то прикидывая.

– Завтра разберемся, – спокойно сказал он. – Марин, распорядись. Пусть Берта накроет в столовой.

Он еще раз взглянул на Тоню и вышел.

– Я ничего не понимаю. Зачем ты дала объявление?

– Потому что не хочу сама возиться с этими падубами! Ну всего-то на пару месяцев...

Тонь, ну пожалуйста!

– Пару месяцев?.. С падубами? А как же «сад с цветами и плодами»?

– Ну это я так написала... для красоты, – смутилась Марина. – Ты же клюнула?

– У вас вообще есть сад?

– Нет. Есть оранжерея. Генрих купил.

– А зачем вам падуб?

– Ну как... Венки рождественские делать. И вообще... он полезный.

– Понятно, – вздохнула Тоня. – Марин, вызови мне такси.

– Тонь, ну куда ты сейчас? Темно уже! Автобусы не ходят. Останься до утра! Поужинаем, переночуешь. Завтра Генрих отвезет тебя.

Тоня посмотрела в темное окно.

– Завтра уеду.

– Вот и правильно! Завтра! – оживилась Марина.

– Я хочу умыться.

– Пойдем, покажу. Там такая глазурованная плитка! У нас тут всё с баварским колоритом. Заметила?

– Веди!

Они вышли в длинный коридор, тускло освещенный светом из окон.

Свет Марина включать не стала.

Повернули направо, к узкому окну. Тоня скользнула взглядом по готическому витражу и пошла за Мариной по деревянной лестнице наверх.

Вечерний чай

Столовая оказалась просторным залом с белыми оштукатуренными стенами. Одна стена была сплошь стеклянная. Шторы не были задернуты, и огни красивой старинной люстры отражались в темном стекле.

– Как тебе интерьер столовой? – допытывалась Марина.

– Красиво. Чистенько.

– Ха-ха-ха... Ну ты и скажешь – чистенько! – засмеялась Марина. – Между прочим, интерьер столовой выполнен в баварском стиле. А мебель из дуба сделана по эскизам известного архитектора. Так было написано... Ладно, не тушуйся! Садись за стол. Вот твоё место.

Марина обошла стол и уселась напротив.

«Спокойно. Я здесь не остаюсь. Завтра утром уезжаю!» – ещё раз подтвердила своё решение Тоня. И ободрилась.

Вошел Генрих с бутылкой вина, сел во главе стола, недовольно отодвинул от себя бронзовый колокольчик.

– А как Берта узнает, когда приносить блюда? – хмыкнула Марина и пояснила Тоне: – Берта – это наша горничная.

– Уже несет, – снисходительно бросил он.

Позади Тони раздались шаги и запахло чем-то подгоревшим. Марина указала на место на столе – туда тут же был поставлен блестящий поднос, уставленный тарелками. Звякнули металлом ножи и вилки.

Тоня искоса взглянула на горничную...

Это была та самая, что открыла ей дверь.

Горничная отошла от стола и неловко сделала книксен в сторону Марины, опять наступив на подол длинного платья. Марина досадливо махнула рукой:

– Свободна!

– Ничего не умеет, – проворчала, оглядывая содержимое тарелок. Выбрала, что поаппетитнее, – Генриху, потом себе... оставшуюся тарелку подвинула к Тоне. Обошла стол, раздала ножи и вилки:

– Сколько раз ей говорила: заранее надо класть.

Закончив, она села на место.

– Приятного аппетита!

Тоня подвинула тарелку к себе. На ней лежал кусок жареного мяса, сбоку – картошка фри, залитая соусом.

– Первое время всё норовила в спортивном костюме по дому шляться, – жуя, продолжала жаловаться Марина. – Спортсменка, блин! Я купила ей костюм горничной, заставила переодеться. Так она носить не умеет.

– Он какой-то из викторианской эпохи, – заступилась за горничную Тоня. – Горло воротником зажато. Ей же неудобно.

– Нормально. Учила ее книксен делать.

– Делает же.

– Как корова. И вино надо было разлить, – не успокаивалась Марина. – Генрих, давай, разливай!

Генрих послушно встал, разлил вино по бокалам.

– А в Новосибирске прислуги у вас не было! – не удержалась Тоня. – Неужели продажа рукописи Ходасевича «Агай-хан» дала возможность так приподняться? Шале прикупить?

Генрих и Марина одновременно посмотрели на нее. Марина – с удивлением. Генрих – с интересом. Посмотрел и, усмехнувшись, сказал:

– Думаю, что сейчас на деньги от рукописных работ разве что крышу шале черепицей можно покрыть. И то – не всю. Если, конечно, это не «Лестерский кодекс» Леонардо да Винчи. Помнится, Билл Гейтс купил его на аукционе «Сотбис» за 30 миллионов долларов.

– Ну что вы про какую-то рукопись!.. – недовольно сказала Марина. – Давайте про себя! Тонь, мы ведь в начале девяностых вернулись в страну. И что интересно: те, кто при Советах были у власти или имели связи и знакомства, не утонули. Помнишь, как ты наших гостей с рыбами сравнила? Прямо в точку!

– Рыбы, – хмыкнул Генрих. – Рыбешки. Схватили в мутной воде девяностых всё, что могли схватить. С наступлением капитализма пришли акулы, которые их заглотнули вместе с костями.

– Ну не всех. Помнишь Антона Львовича? Тоня назвала его «пучеглазым телескопом». Ха-ха-ха... Так он сейчас – миллиардер. Зря ты ему, Тонька, тогда не позвонила. Жила бы сейчас где-нибудь... – Марина мечтательно закатила глаза. – В замке в Шотландии, а не нанималась на работу в чужой дом. Не послушала меня. Сама жизнь хотела построить? Построила? – спросила с иронией и тут же засмеялась, вспоминая: – Всем гостям дала рыбы названия. А Дрисина – «сушеная стерлядь»!.. Ой, я не могу!..

– И что, и меня – тоже с рыбой? – держа вилку с нанизанным кусочком мяса, поинтересовался Генрих.

– Нет, вас не с рыбой! Для вас Марина нашла сравнение с птицей.

– О!.. И с какой? – жуя, он взмахнул руками: – С орлом? С ястребом?

– Нет. Из не летающих. Из отряда курообразных.

– Хм... И на кого же я похож из этого... отряда?

– Генрих, это – шутка, – разволновалась Марина, с неудовольствием поглядывая на подругу: «Молчи!»

– На индюка, – спокойно проигнорировала подруга ее призывы.

– Да? – отвисла челюсть у Генриха, обозначилась дряблая шея, и он действительно стал похож на него. – Ха-ха... Надеюсь, хоть на дикого?..

– Нет, на одомашненного, – спокойно продолжила Тоня.

– Ну, Марина, – укоризненно покачал головой Генрих. – Вот уж никогда не думал.

– Да это не я придумала! Это всё Тоня, – ожидаемо свалила с себя вину Марина. Генрих только усмехнулся, положил нож и вилку на тарелку, промокнул губы салфеткой. Марина тут же напомнила:

– Пора десерт подавать. И кофе. Звони!

– Уже! – с видом фокусника показал он рукой на дверь.

И действительно – запахло кофе, и на столе возник еще один блестящий поднос с пирожными на блюдах и с чашками.

– Забери! – приказала Марина, кивнув на грязные тарелки с приборами. Берта всё быстро собрала, грохнула на поднос и встала с ним, ожидая дальнейших указаний.

– Как в студенческой столовке, – недовольно покачала головой Марина и, увидев, что Берта собирается делать книксен с подносом в руках, замахала на нее и закричала:

– Не надо! Ступай!

Горничная поняла и исчезла без книксена. Тоня и Генрих улыбались.

– Ничего смешного, – обиженно сказала Марина, заметив их улыбки.

Она встала, поставила перед каждым десерт и чашку кофе. Села, пригубила из чашки, поморщилась:

– Ну и кофе! – возмущенно покачала головой. Но сделала еще глоток и уже спокойно продолжила щебетать:

– А Жорка организовал театральное агентство. Артистами, билетами... чем только не торгует. Дом построил.

– А про актрису Ирину Николаевну ты что-нибудь знаешь? Что с ней?

– Она умерла, – сказала Марина. Сняла двумя пальчиками за хвостик прозрачное райское яблочко с пирожного, лизнула его и продолжила: – А Саша с Нинкой... Они квартиру продали. Такая хорошая квартира была! Помнишь ее? Нинка на свои деньги пыталась возродить любимый женский хоккей на траве. Сашка стихи сочинять перестал. Работу не нашел... Совсем к жизни неприспособленный. Поэт!.. – с иронией подняла Марина яблочко вверх. – Правильно, что ты с ним рассталась. Книги из библиотеки продавал...

Она покачала головой, вздохнула, посмотрела на яблочко и отправила его в рот.

Генрих позвонил в колокольчик.

Дверь открылась.

– Накрой в гостиной для чая! Всё для матэ, – сказал кому-то Генрих на немецком и кивнул Марине: – Начинайте без меня. Я присоединюсь потом.

Тоня услышала незнакомое слово: матэ. Что это такое?

Перешли в гостиную.

В камине разгорались только что подложенные поленья. На столике стояли какие-то странные предметы.

– Сейчас мы угостим тебя одним напитком. Называется мате.

Они уселись в кресла, и Марина стала объяснять:

– Его пьют не из чашек, а из вот таких калабасов. Вот, видишь, – она взяла со столика небольшой коричневый кувшинчик, украшенный черным геометрическим узором.

– Это для гостей. Дорогой! – со значением посмотрела она на Тоню.

Та кивнула:

– Понятно.

– Пить надо из серебряной трубочки. Называется... – Марина наморщила лоб и махнула рукой: – Забыла.

Тоня аккуратно взяла «гостевой» кувшинчик в руку.

– Пить надо не торопясь, – показывала Марина на своем, «не гостевом», без узора: – Вот так: маленькими глоточками потягивай потихоньку гущу со дна.

Тоня втянула напиток через трубочку. Погоняла во рту. Не поняла, втянула еще. Почувствовала терпкую горечь. Потянула носом. Запах был приятный, напоминающий запах свежескошенной травы.

– Не части! Медленней, – руководила Марина.

Тоня замедлилась с глоточками. Медленно, смакуя, допила.

– Допивать напиток до конца – признак дурного тона. Как и доедать с тарелки всё до крошки, – хитро улыбнулась Марина.

– Тебя Ленин бы не принял в общество чистых тарелок, – засмеялась Тоня, глядя на нее. Хитрая улыбка ее вдруг показалась даже приятной. И сама она – такая милая и хорошая. И шутки ее смешные.

Пришел Генрих с черной папкой под мышкой. Сел на диван, положил ее рядом с собой.

Поленья в камине разгорелись и мирно потрескивали. Огонь горел ровно. Было тепло и уютно. Завязался разговор ни о чем. Вспоминали смешное из прошлой жизни. Смеялись, шутили...

– Ну, Антонина, что надумала? Остаешься у нас работать садовником? Даешь согласие?

– Даю, даю! – смеялась Тоня. Так хорошо и весело ей давно не было.

– Тогда давай оформим договор. Чтобы, как говорится, честь по чести.

Генрих достал из папки листы. Протянул.

– Это – стандартный договор. На год. Вот здесь – твои права и обязанности. Вот здесь – наши. Вот твоя зарплата.

– Может, завтра оформим?

– Нет, давай сегодня закончим официальную часть.

– Не тяни время, – поторопила ее Марина. Тоня послушно взяла договор, пробежала по нему глазами. Всё в порядке. Поставила свою подпись на одном листе. Потом на другом. Рядом расписался Генрих, протянул:

– Твой экземпляр.

Он встал.

– Ну что? Теперь баиньки? Завтра ждут дела. Спокойной ночи, *schoene junge Damen!* – с шутливой галантностью наклонил он голову и пошел из гостиной.

– Спокойной ночи, *lieber Mann!* – вслед ему крикнула Марина и, вскочив, даже присела в поклоне.

– «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» – со смехом воскликнула Тоня. – Прямо, средневековье! Рыцарь и Прекрасная дама!

– Пойдем, прекрасная дама, покажу тебе твою комнату в мансарде.

– С национальным баварским колоритом?

– Ага! Бавария!

Они вышли из гостиной, и Марина щелкнула выключателем. Загорелась «свечи» в настенных подсвечниках, осветив черные дубовые доски пола, черные двери на белой стене и балки потолка.

– Как в старом замке! – восхитилась Тоня. – Не хватает только привидения!

– Есть и привидение. Еще увидишь! – смеялась Марина.

– Надеюсь, что скоро! – смеялась и Тоня.

Они дошли до знакомого окна с готическим витражом, и она остановилась, разглядывая его.

– Изображение баварского города, – тут же подсказала Марина.

– Как у вас здесь всё интересно!

– Ты еще не знаешь насколько, – прошептала Марина почти ей в ухо и, приложив палец к губам, оглянулась.

– Кто там? – Тоня тоже перешла на шепот, оглянувшись на длинный коридор. И вдруг ее слух опять уловил шуршание...

– Привидение, – шептала Марина и тащила Тоню вверх по деревянной лестнице. Тоня опять оглянулась...

– Кто у вас ходит и чем-то шуршит?

– Шуршит?... – Марина даже остановилась, наморщила лоб. На мгновение задумалась и тут же засмеялась. – Да это же Берта своей юбкой. Сказала же ей, чтобы укоротила... Всё время на подол наступает...

Они поднялись вверх и подошли к двери.

– Вот твоя комната! – Марина распахнула дверь и включила свет.

Полеты во сне... или наяву?

– Как будто в ней жил охотник, оставивший свои трофеи... – разглядела Тоня пушистую белую шкуру на полу и светильник в виде сцепленных рогов, свисающий с потолочной балки.

– Генрих арендовал дом со всем имуществом.

Тоня подошла к окну.

За ним, на широком карнизе сидел черный ворон.

– Ой! Ворон!

– Где? – подошла Марина, разглядела его. – Он не настоящий. Железный.

– Тоже трофей?

– Наверное. Ты теперь здесь хозяйка. Устраивайся. Твою сумку Берта уже принесла.

Тоня прошла по комнате.

Широкая удобная кровать, деревянный сундук, шкаф, рабочий стол, стул, кресло, камин... На сундуке стоял старый радиоприемник «Schaub Lorenz».

– Работающий?

Тоня покрутила колесиком, настраивая... Раздались шипение, треск, пробились речь и музыка...

– Работающий, – определила Марина. – Потом настроишь. Смотри, вот камин электрический с парогенератором, подсветкой и звуком. Включишь, если будешь замерзать. Туалет и ванная – рядом.

– Хорошо здесь у вас, – призналась Тоня. – Чувствую себя так бодро и спать не хочу.

– Мне тоже спать не хочется. А давай посидим, поболтаем! Мате еще попьем. Сейчас Берте скажу, чтобы приготовила.

Марина убежала. Тоня включила камин.

Заплясали объемные язычки пламени на поленьях. Она услышала их потрескивание и звук пляшущего на них огня. Потянуло теплом и даже запахло дымком.

Вернулась Марина со знакомыми кувшинчиками и трубочками на подносе.

Они уселись на шкуру перед камином. Тоня взяла «гостевой» калабас.

Марина – «хозяйский», без узора.

– А ты с Сашкой так больше и не встретишься? – оторвавшись от трубочки, вдруг спросила она.

– С Сашкой? – удивилась Тоня. – С каким Сашкой?

– Ну из Новосибирска который... Ты что, забыла его? Который поэт. Ты у них еще останавливалась в первый приезд.

– Поэт? Какой поэт? – Тоня потрясла головой. Она действительно не могла вспомнить. И вдруг стала говорить. Только казалось, будто говорила не она, а кто-то другой, потому что свой голос она слышала как чужой.

– Он поэт? Да-да! Поэт! Нет, не забыла. Я встречалась с поэтом. Уже потом. Только никто об этом не знает. Я помню...

– Что?

– Сейчас... сейчас... Это было на весенних каникулах. Помню. Мы с учениками собирали почки в лесу. А потом он позвонил в школу. Нет, это – не он. Позвонил другой человек. Как он телефон-то узнал? Не спросила. Он был в Новосибирске в командировке. И я зачем-то пообещала приехать.

– Какой человек?

– Неважно. Я прилетела в Новосибирск, позвонила этому человеку, как обещала. Я его видела до этого пару раз. Мы были мало знакомы, и я не знала, как с ним себя вести.

Пошли гулять по городу. Разговаривали. Вернее, он говорил. Он всё время говорил. Рассказывал вещи ненужные, неинтересные: называл какие-то фамилии недругов и завистников, подробности его мелкой войны с ними. Он был как-то по-женски болтлив.

Я устала. Я утомилась его многословным присутствием.

И тогда я позвонила поэту и зачем-то пригласила его в ресторан.

Я хотела пойти на встречу с ним одна. Но человек пошел в ресторан вместе со мной.

В ресторане я ушла в туалетную комнату и пробыла там долго. Я отдыхала в тишине и, стоя у окна, придумывала первую фразу для встречи с поэтом: «Я представляла, что ты придешь после бани краснощекий, с налипшим березовым листочком на щеке». Почему я решила, что он обязательно должен придти после бани?

Не знаю. Наверное, потому что была суббота?

Или – из-за придуманной фразы, которая показалась мне очень остроумной?

Поэта долго не было, и мы сидели с этим человеком вдвоем, пили вино, ели какую-то закуску, и он всё продолжал говорить.

И у меня от моей дежурной улыбки и внимания во взгляде стало сводить скулы и появляться косоглазие...

Наконец, поэт пришел.

Без налипшего березового листочка на щеке. Он принес мне цветы.

Я представила их друг другу и хотела произнести заготовленную фразу, но человек опять начал что-то рассказывать.

Я слушала, глядя на него. Изредка поглядывая на поэта и не имея возможности заговорить с ним.

Он заметил это... Заиграл оркестр, и он пригласил меня на танец.

Мы танцевали.

Я так и не сказала про березовый листочек. Я вообще ничего не сказала. Мне уже не хотелось говорить, а еще больше не хотелось, чтобы кто-то говорил. Мышцы лица задеревенели, и я не знала, что я ими изображаю.

Поэт что-то почувствовал и тоже молчал. От его тела шел банный жар. Или мне показалось? Он же не был в бане. Это был странный танец молчания...

Потом мы вышли из ресторана. Втроем.

Я шла между ними, и человек всё говорил-говорил, повернувшись в мою сторону.

Я пыталась смотреть сразу на одного и на другого. У меня разъехались глаза, и улыбка окончательно приклеилась к губам. Я провела рукой по лицу, чтобы снять ее, но она не исчезала. А глаза не собирались в кучку.

Я испугалась, что это у меня останется на всю жизнь. Состояние мое было близко к обморочному. Когда я заметила, что мы идем вдвоем с человеком, я оглянулась. Поэт стоял далеко позади и смотрел нам вслед. Он ждал. А я не знала, что делать. Уйти от пожилого человека, который продолжал говорить, было невежливо.

Я отвернулась и пошла с ним дальше...

О Господи! Что Господи? Не надо хулить Господа понапрасну!

Он вовремя и честно предупредил. Еще бы понять, о чем?.. О том, что не это главное... А поймешь ли? Хватит ли мудрости отличить настоящее?

Или поймешь, кто был рядом, только к концу жизни?

Его жизни... Когда уже ничего не исправить?

Тоня открыла глаза. Вокруг были люди. Она сидела за накрытым столом.

Это – свадьба? Жених сидел не рядом с ней, а среди гостей и, как тот пожилой человек, всё что-то говорил им, ни разу не оглянувшись, ни разу не посмотрев на нее.

Она расплакалась. От обиды и нехорошего предчувствия.

Если это – жених, то на свадьбе так женихи себя не ведут. Они не отходят от невест и всё время смотрят на них. Будто видят их впервые. И в последний раз. Вот на свадьбе студенческой подружки жених даже полез в драку, когда один из гостей поддержал невесту за талию, помогая ей выбраться из-за стола между тесно стоявшими стульями.

Она представила это, и ей почему-то стало смешно. Интересно, они еще живут вместе?

Она засмеялась и подошла к окну...

«Кр-р... Кар-р... Кар!...» – закричал за окном ворон и взмахнул крыльями, словно собираясь полететь!

И Тоне тоже захотелось полететь вместе с ним!

Она стала открывать окно, но оно не открывалось. Вверху, в одном из квадратиков, была лишь маленькая форточка.

Туда не пролезешь.

Но желание летать заполнило Тоню целиком.

Она забралась на стул, раскинула руки, оттолкнулась и... полетела!

Она кружила по комнате, вокруг люстры из рогов...

Хотела вылететь наружу, но дверь оказалась закрытой.

Сила и восторг переполняли ее. И она снова кружила, взлетала к потолку, опускалась к самому полу, опять взлетала, ввинчиваясь в воздух и наконец упала на мягкую шкуру у камина и уснула.

Неожиданности...

Тоня проснулась ранним утром. Голова была ясная и свежая.

Совсем рядом потрескивал огонь в камине.

Не открывая глаз, она провела руками около себя, запустила пальцы в длинный мягкий ворс... «Я что – на полу спала?.. И одетая?..»

Она открыла глаза, запрокинула голову, взглянула на окно. Снаружи летал белый снег.

Она легко поднялась, подошла к окну. Снег падал на карниз и таял. Ворон сидел на месте, отвернув в сторону мокрый клюв.

Тоня умылась в ванной комнате, разглядела яркие вставки расписной плитки. Рассмотрела себя в зеркало, зачем-то проверяя, есть ли у нее косоглазие. Косоглазия не было.

Вернувшись в комнату, она покрутила колесико радиоприемника – и, о чудо, раздался голос диктора: «Sie hoeren BR-KLASSIK»!

Эту радиостанцию она полюбила с самого приезда в Германию: включила радио – и вдруг услышала Прокофьева, его симфонию... Потом концерты Чайковского, Рахманинова... И сердце расслабилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.